УДК 327:801.73

ТЕРНОВАЯ Л.О.

Международные отношения как текст

Существует множество подходов к пониманию сущности международных отношений. Их постоянно обогащающаяся практика, расширение числа участников и углубление гуманитарной составляющей дают возможность рассмотреть такие отношения как связанный текст. В нем отражается единство пространства международных взаимодействий, выступающее как основной системообразующий элемент, проявляется роль и характер лидера – создателя международной системы. Под влиянием глобальных перемен в тексте международных отношений увеличивается доля паралингвистических компонентов, в него проникает ненормативная лексика, в открытое изложение вытесняется скрытая, тайная информация. Появляются жанры, которые усиливают метатекстуальные свойства новой информации о международных отношениях.

Ключевые слова: международные отношения, политический процесс, акторы, риторический текст, глобализация.

Существует достаточно много точек зрения на то, что мы понимаем под международными отношениями. Позиции участников научной дискуссии расходятся в основном из-за вопроса широкой или узкой трактовки этого понятия, включающей или не включающей кроме государств негосударственных акторов. Вместе с тем анализ международных отношений немыслим не только без учета изменений состава их участников, но и без понимания сложности того пространства, на котором они реализуются. Помимо очевидного геополитического пространства речь идет и пространствах экономическом, социальном, правовом, экологическом, конфессиональном, гуманитарном. Количество этих пространств увеличивается, а их многообразие заставляет исследователей искать некие интегральные характеристики, позволяющие, соединив вместе свойства таких пространств, выявить объединяющие их черты, способствующие артикуляции международными акторами их интересов. К обобщающим характеристикам может быть отнесено понимание международных отношений как текста. Возможность и, более того, необходимость прочтения международных отношений как текста обеспечивается уже самим созданием системы таких взаимосвязей, поскольку именно система, являющаяся целым, состоящим из частей, соединяет разрозненные фрагменты в единый текст.

Умберто Эко в “Воспоминаниях молодого романиста” разбирает дискуссию, возникшую во время защиты его докторской диссертации по эстетике Фомы Аквинского. Одни из оппонентов обвинил его в “чрезмерной нарративности”. “Он заявил, – пишет Эко, – что в ходе любого исследования серьезный ученый выдвигает массу гипотез, а затем опровергает их одну за другой, неизбежно совершая при этом множество ошибок; однако в резюмирующем исследование трактате описание процесса следует свести к необходимому минимуму, сообщив лишь умозаключения. Я же, по его мнению, описал ход моего исследования так, словно это был детективный роман. Замечание было высказано в дружеской манере, но именно оно подсказало мне основную идею: *о любых научных изысканиях следует “повествовать” именно так*. Каждая научная книга просто обязана быть приключенческой – этакий отчет о поисках очередного Святого Грааля”[1].

Следует заметить, что детектив или приключенческий роман ярче всего воспринимается как целостный текст именно в силу наличия четко выделенной нити, пронизывающей ткань повествования. И это в полной мере отвечает сути того, что являет собой текст (от лат. textus – ткань, сплетение, связь, сочетание).

И.Р. Гальперин определяет текст как "письменное сообщение, объективированное в виде письменного документа, состоящее из ряда высказываний, объединенных разными типами лексической, грамматической и логической связи, имеющее определенный моральный характер, прагматическую установку и соответственно литературно обработанное"[2]. Любой текст охватывает связную и полную последовательность символов. А если он отражает мир символов, то, как свойственно данному миру, эта реальность может быть представлена одновременно и в своей внутренней сущности, и как отражение внешней для нее среды.

Международные отношения, будучи частью политического процесса, также выступают в качестве процесса коммуникативного, спецификой которого являются многообразные взаимодействия государств, негосударственных организаций, движений и отдельных людей разных стран, а кроме того, развитие их нового отношения к общим достижениям и вызовам, связанным с глобальными и региональными трансформациями. В таких условиях кристаллизуется политический текст, отражающий коммуникативную реальность международных отношений и представляющий собой одну из форм риторической коммуникации. Эта коммуникация имеет признаки риторической потому, что, как правило, ее создатели ставят перед собой четко осознанную коммуникативную цель, в соответствии с которой и порождается текст.

Международные отношения становятся риторическим текстом, потому что те, кто их формирует, имеют цель убедить население своей страны, лидеров и общество государства – потенциального партнера, а порой и геополитического противника – в чистоте и правоте своих внешнеполитических намерений, представленных в тексте, выступающем за рамки дипломатического пространства и охватывающем весьма широкую информационную среду. Риторический текст всегда создается осознанно, что отвечает преимущественно планомерному, а не спонтанному характеру эволюции международных отношений.

Как и любой риторический текст, международные отношения включают в себя лингвистические и паралингвистические компоненты. Ю.М. Лотман отмечал, что "в риторике процесс порождения текстов имеет "ученый", сознательный характер. Правила здесь активно включены в самый текст не только на метауровне, но и на уровне непосредственной текстовой структуры"[3]. Этот сознательный выбор относится не только к лингвистическим составляющим текста, но и паралингвистическим, которые органично вплетены в единое риторическое высказывание. Для восприятия международных отношений как текста важны все три вида паралингвистических средств: фонационные (темп, тембр, громкость речи, заполнители пауз, мелодика речи и пр.), кинетические (жесты, поза, мимика говорящего), графические (особенности почерка, графические дополнения к буквам, заменители букв). В качестве новейшего паралингвистического элемента, вводимого в международный валютно-финансовый оборот, можно указать новый графический знак российского рубля, созвучного с символами международных валют.

Восприятию международных отношений как текста в значительной степени способствует его смысловая цельность, отражающая все связи и зависимости, что есть в самой действительности, в том числе международной. Каждое событие этой действительности способно стать темой высказывания, которая представляет собой обобщенное содержание текста, но только данное в авторской редакции, с присущим данному лицу (государственному деятелю, политику, дипломату, выдающемуся ученому, представителю культуры, правозащитнику и т.д.) пониманием сути взаимодействий международных акторов и явлений международной жизни.

Ярче всего такая тема высказывания выражена в названии международного

договора, основная характеристика которого как текста не зависит от того, заключен он в устной или письменной форме, на каком носителе зафиксирован, в скольких документах содержится это текстовое соглашение, какое конкретное наименование ему присвоено: соглашение, конвенция, устав международной организации, протокол. Главное, что следует из его смысла, то, что Высокие Договаривающиеся Стороны намерены взять на себя международно-правовые обязательства. Так повелось с соглашения между египетским фараоном Рамсесом II и хеттским царем Хаттусили III после битвы при Кадеше (1274 г. до н.э.), которое было составлено очень подробно. Стороны обязались не нападать друг на друга и не чинить вреда, жить в мире и братстве, выступать в качестве союзников в случае нападения врага на одно из договаривающихся государств. Они согласились помогать друг другу, подавлять бунты подданных внутри обеих стран. Договор предусматривал взаимную выдачу беглецов, независимо от того, были они знатного рода или простого звания[4]. То, что этот высеченный на камне текст выставлен на обозрение в холле нью-йоркской штаб-квартиры Организации Объединенных Наций, подчеркивает историчность восприятия международных отношений как текста.

Обилие международных договоров наглядно подтверждает возможность общий, единый текст сообразно позициям отдельных персонажей и тем делить на подтемы. Такое дробление может быть обязано хронологии событий, их географии, составу участников, сути обсуждаемых ими проблем и т.д. Названия подтем могут существенно различаться и порой совсем не соотноситься с привычным разделением текстов. Так, в период подготовки Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975) все предложения по предотвращению возникновения конфликтов в регионе, урегулированию кризисных ситуаций, ликвидации последствий конфликтов были распределены по трем "корзинам": "Первая корзина", или политико-военное измерение: контроль над распространением вооружений, дипломатические усилия по предотвращению конфликтов, меры по построению доверительных отношений и безопасности; "Вторая корзина", или экономическое и экологическое измерение: экономическая и экологическая безопасность; "Третья корзина", или человеческое измерение: защита прав человека, развитие демократических институтов, мониторинг выборов.

Иногда дробление становится невозможным из-за краткости текста. Не случайно официальный дипломатический документ, которым оформляются различные вопросы отношений между государствами, как заявление протеста, уведомление о каком-либо факте и пр., носит название нота (от лат. nota – знак, замечание). Несмотря на то, что это текст, отличающийся краткостью, ноты способны заметно накалить не только международную обстановку, но и внутриполитическую. Так, нота министра иностранных дел Временного правительства в России Павла Милюкова правительствам стран Антанты от 18 апреля (1 мая) 1917 г., в которой разъяснялась позиция Временного правительства по вопросу первой мировой войны, привела к усилению недовольства страдавшего от тягот войны населения и особенно солдат, надеявшихся на миролюбие Временного правительства. В Петрограде в ответ на ноту Милюкова 20 апреля (3 мая) прошли демонстрации солдат и рабочих, послужившие началом апрельского кризиса 1917 г., который привел к отставке Милюкова и образованию коалиционного Временного правительства с участием социалистов[5].

К столь же кратким текстам мы относим и телеграммы, например, Эмсскую депешу (нем. Emser Depesche) – телеграмму разговора между королем Пруссии Вильгельмом I и французским послом Винсентом Бенедетти 13 июля 1870 г. Она была фальсифицирована и опубликована канцлером Пруссии Отто фон Бисмарком, сознательно спровоцировавшим дипломатический конфликт, приведший к войне между Францией и Пруссией (1870–1871). Можно отметить и телеграмму министра иностранных дел Германии Артура Циммермана (нем. Zimmermann-Depesche), использованную президентом США Вудро Вильсоном для обоснования объявления войны Германии в конце первой мировой войны, которая, будучи опубликована в американской печати, вызвала возмущение общественности планом по привлечению Мексики на сторону Германии в случае войны с США.

Возможность восприятия официальных источников как целостного текста о едином, целостном сюжете международных отношений определяется тем, что в любом таком тексте есть четко выраженная завершенность высказывания. В данном случае – завершенность международного процесса или его конкретной части. Это позволяет подобрать к тестам заголовок, наиболее точно и емко отражающий их содержание. Именно так появились названия систем международных отношений, внешнеполитических доктрин отдельных государств, крупных проектов межгосударственного сотрудничества. Но помимо обозначения вынесенных в название основной идеи или главной персоны – инициатора того или иного международного процесса читать такие отношения как текст позволяет наличие в них определенной периодичности, проявляющееся в четкой фиксации их начальной стадии и завершающего этапа. Это можно увидеть и на малом масштабе, в частности, любого переговорного процесса, и на широком историческом и геополитическом полотне международной системы.

Подобные свойства присущи всем без исключения видам текстов, отражающих суть международных отношений: официальным, деловым, публицистическим, научным, разговорным, художественным, а также их типам: описанию, рассуждению, повествованию. Тексты, раскрывающие всю полноту международных отношений, отличаются исключительным жанровым многообразием.

Первые опыты текстуальной презентации международных отношений выражены в понимании сути международных реалий основателями систем. Варианты текстов, в которых они выразили увиденное, могли быть разными. Например, у кардинала Ришелье, вдохновителя Вестфальской системы международных отношений, это были и драматургические произведения[6], и мемуары, и "Политическое завещание"[7]. Князь Клеменс фон Меттерних, архитектор Венской системы, оставил мемуары[8].

В 1887 г. будущий президент США, участник Версальской мирной конференции и разработчик деталей Версальско-Вашингтонской системы профессор Вудро Вильсон приступил к теоретической разработке вопросов административно-государственного управления в работе "Изучение администрирования". В ней он подчеркивал, что наука администрирования должна искать способы улучшения деятельности правительства, чтобы сделать его работу менее трудоемкой, привести в порядок организацию управления[9]. Эти же позиции можно экстраполировать на внешнеполитический курс времени его президентства, вплоть до известных "14 пунктов" Вильсона, проекта мирного договора, завершающего первую мировую войну, представленного Конгрессу 8 января 1918 г. Этот текст лег в основу Версальского мира и был во многом альтернативой Декрету о мире, подготовленному Владимиром Лениным.

Жанровое различие помогало подчеркнуть главные моменты внешнеполитической активности авторов данных текстов. Помимо этого семиотическая стратегия текста должна была прямо корреспондироваться и со стратегией внешнеполитической. Можно сделать еще одно заключение. Талантливость текста в значительной степени отражала талантливость его автора и в построении проекта международной системы. Это подтверждается тем, что Уинстону Черчиллю, одному из главных лиц Антигитлеровской коалиции, в 1953 г. была присуждена не Нобелевская премия мира, а по литературе "За высокое мастерство произведений исторического и биографического характера, а также за блестящее ораторское искусство, с помощью которого отстаивались высшие человеческие ценности".

Безусловно, особое место в текстуальном осмыслении международной жизни принадлежит не специальным геополитическим текстам, а художественным, принадлежащим авторам, являющимся одновременно активными политиками, творцами самой международной реальности. Выдающийся британский государственный деятель Бенджамин Дизраэли попытался и свое литературное увлечение сделать инструментом пропаганды социально-политических взглядов. Его первый социальный роман "Конингсби, или Новое Поколение" (Coningsby or the New Generations, 1844) идеалистически выражает идеалы "Молодой Англии", заключающиеся в объединении всех социальных слоев нации в лоне

обновленной государственной церкви под родительским попечением земельной аристократии, омоложенной слиянием с новым классом промышленников, и под высшим протекторатом природного отца нации – монарха. Второй социальный роман Дизраэли "Сибил, или Две Нации" (Sybil, or the two Nations, 1845) затрагивает вопросы, поднимаемые чартистским движением, предлагает религиозно-моральный и социально-политический союз между "двумя нациями", т.е. правящими и производящими классами. В "Танкреде, или Новом Крестовом Походе" (Tancred, or the new Crusade, 1847) автор раздвигает горизонты повествования соответственно расширению Британской империи. Проблема просветительской миссии виделась Дизраэли и как проблема осмысления иудаистских ценностей, о чем он рассказал в историческом романе "Удивительная история об Алрое", благодаря которому на Западе закрепилась привычная транскрипция арабского имени Алрой, еврейского лидера из Курдистана XII в. Меннахема бен-Шломо Ал-Руйи, главы восставших евреев, объявившего себя мессией. Литературное творчество Дизраэли не мешало его внешнеполитическом успехам. Их вершиной стал Берлинский конгресс 1878 г., на котором фактически была восстановлена преобладающая роль Великобритании в Европе.

Литературные труды Уинстона Черчилля "Саврола"[10] и экс-президента Франции Валери Жискара д'Эстена, организатора первого саммита "большой шестерки" в ноябре 1975 г. в замке Рамбуйе, "Принцесса и президент"[11] также выводят читателя на вопросы международных отношений, хотя и посвящены разбору моральных ценностей, определяющих позицию политика и государственного деятеля.

Роман Черчилля "Саврола или Революция в Лаурании" имел огромный успех и выдержал несколько изданий в Британии и США. События романа разворачиваются в вымышленной стране, где единолично правит жестокий тиран, против которого восстает главный герой книги Саврола, являющийся убежденным демократом и сторонником реформ. Взбунтовавшийся народ свергает тирана, но цена победы высока. В Лаурании набирает силу тайное анархистское общество, члены которого являются сторонниками насилия. Не удивительно, что в образе главного героя романа Черчилль показал самого себя и вложил в этот персонаж многие черты своего характера и представления о жизни.

Так же, как для Черчилля, для Жискар д'Эстена роман "Принцесса и президент" (2009), самые яркие сцены которого происходят в упомянутом выше замке Рамбуйе, стал обратной стороной другой активности и другого текста – его воспоминаний "Власть и жизнь"[12]. Хотя в главной героине романа легко опознается Диана, принцесса Уэльская, а в главном герое – сам д'Эстен, можно сказать, что еще одним прототипом героини была актриса Сильвия Кристель, исполнительница роли Эммануэль, которая являлась любовницей президента. Французы понимали, что этих людей объединяет не только секс: им, интеллектуалам, было интересно друг с другом[13]. Жискар д'Эстен объясняет совпадения образа героини романа с принцессой Дианой тем, что "собственно, эта идея принадлежала леди Диане. В 1994 году, когда мы обсуждали любовные истории из жизни лидеров великих держав, она посоветовала мне: "Почему бы вам не написать об этом книгу?" Чуть позже она спросила, не начал ли я уже работать над подобным произведением. Я открыл ей кое-какие свои идеи на этот счет, и она одобрила их. В дальнейшем она предприняла еще одну попытку. Она вернулась к этому вопросу во время нашего последнего телефонного разговора перед своей поездкой на юг Франции в июне 1997 года. Более того, она даже предложила мне посвятить летний отпуск написанию этой книги! Спустя шесть недель она встретила свой трагический конец в туннеле под площадью Альма. И я счел, что связан обещанием, которое обязан выполнить"[14].

Несомненно, наибольший массив художественных текстов о международных отношениях создается профессиональными писателями. И даже когда они не подозревают об этом, критики находят в их работах, особенно если эти работы талантливые, знаковые, множество международных аллюзий. Например, "Поминки по Финнегану" (Finnegans Wake)[15] – экспериментальный

роман ирландского писателя-модерниста Джеймса Джойса, написанный в технике "потока сознания", над которым автор работал в Париже в течение 16 лет с 1923 по 1939 гг., вызвал неоднозначную реакцию в литературном сообществе, длившуюся долгое время после издания. В 1960 г. в журнале "A Wake Newslitter" один из участников дискуссии высказал предположение, что Джойс, употребляя слово "аншлюс", предвидел оккупацию Австрии войсками гитлеровской Германии и ее вхождение в состав Третьего рейха 13 марта 1938 г.[16]. Однако ему возразил другой критик, заметивший, что во время написания Джойсом романа термин "аншлюс" имел повседневное значение как "присоединение" или "примыкание", никак не связанные с внешней политикой[17].

Для того чтобы формировать представление о международных отношениях как о тексте талантливым писателям не нужно быть в гуще международного процесса. Скорее, они пытаются дистанцироваться от него. В 1932 г. московский "Международный Союз Революционных Писателей" направил Джойсу анкету с вопросом: "Какое влияние на Вас как на писателя оказала Октябрьская Революция и каково ее значение для Вашей литературной работы?" Письмо было подписано секретарем Союза Романовой. Джойс ответил через своего секретаря, бывшего белогвардейца Пола (Павла Леопольдовича) Леона, следующим письмом: "Милостивые государи, мистер Джойс просит меня поблагодарить вас за оказанную ему честь, вследствие которой он узнал с интересом, что в России в октябре 1917 г. случилась революция. При ближайшем рассмотрении, однако, он выяснил, что Октябрьская Революция случилась в ноябре указанного года. Из сведений, покуда им собранных, ему трудно оценить важность события, и он хотел бы только отметить, что, если судить по подписи вашего секретаря, изменения, видимо, не столь велики"[18]. В отличие от художественных произведений большинство журналистских текстов, отражающих международные реалии, передают сообщения о текущих изменениях в международной жизни. Среди главных требований, предъявляемых к новостному виду текста, можно отметить его оперативность, краткость, компактность и точность. По мнению Гектора Аластера Хезерингтона, который в течение почти двадцати лет был редактором "The Guardian" и считается одним из ведущих редакторов второй половины XX в., можно выделить двенадцать факторов, определяющих факт как новость: частота повторяемости, масштабность, ясность смысла, адаптированность (учет социокультурного контекста восприятия факта), согласованность с ожиданиями аудитории, сенсационность, динамизм (непрерывное развитие некогда начавшегося события), комбинированность (сочетание серьезности и развлекательности), причастность к событиям ведущих государств мира, отражение жизни "звезд" политики или культуры, персонификация (жизнь личности или тех, кто персонифицирует определенное социальное или политическое явление), ожидаемая негативность последствий события, – только так журналист может заинтересовать своим сообщением аудиторию. Первые шесть из названных факторов считаются наиболее важными в современной новостной журналистике[19].

С учетом важности понимания динамики международной жизни, необходимости возвращаться не только к истокам тех или иных международных процессов, но и к тому, как их воспринимала общественность в разных странах, новостная журналистика часто оказывается предметом пристального изучения тогда, когда сама новость уже переставала быть таковой. Т.е. она переставала быть тем сообщением, которое Э. Деннис и Дж. Мэрилл определяют как содержащее "современный взгляд на действительность в отношении конкретного вопроса, события или процесса. В новости прослеживаются важные для индивида или общества изменения, которые подаются в контексте общепринятого или типичного. Новость оформляется с учетом консенсуса относительно того, что интересует аудиторию, а также внутренних и внешних ограничений, с которыми приходится сталкиваться соответствующей редакции. Она – результат ежедневно возобновляемой игры по достижению коллективного договора внутри редакций, сортирующих происходящие за конкретный промежуток

времени события с тем, чтобы создать скоропортящийся продукт. Новость – это несовершенный результат принятия скороспелых решений в ситуации давления извне и изнутри"[20]. Именно такая игра и такая ситуация давления, особенно внешнего, может стать значимой для осмысления события уже намного позже его свершения. В первую очередь это относится к тем новостям из международной жизни, которые связаны с общественной реакцией на внешнеполитические действия властей. Из склеенных фрагментов новостей, свидетельствующих, как отреагировали граждане на объявление войны, заключение союза с другим государством, приезд главы иной страны и т.д., можно понять, какова будет реакция в случае повторения подобного события в новых условиях.

Многие тексты, которые следовало бы отнести к новостным, по прошествии некоторого времени начинают восприниматься как художественные. В первую очередь это относится к жанру репортажа, берущему начало в первой половине XIX в. и происходящему от латинского слова "reportare", которое означает "передавать", "сообщать". От своего первоначального предназначения извещать читателя о ходе судебных заседаний, парламентских дебатов, различных собраний и пр. жанр репортажа продвинулся в ту сторону, которая сделала его мастеров представителями одной из самых опасных профессий. Репортажи из горячих точек давали возможность читающей публике погрузиться в ситуацию конфликта, а часто и оказаться на его разных сторонах. Поэтому тексты о таких событиях выдающихся репортеров (Джона Рида, Эгона Эрвина Киша, Эрнеста Хемингуэя, Юлиуса Фучика) близки художественным, настолько в них реальность происходящего приближается благодаря мастерству изложения к художественному вымыслу.

Если соединение текста международного документа, художественной литературы, журналистских текстов и международных отношений смотрится логично, то влияние религиозных текстов на трактовку картины международных событий более тонкое, часто скрытое. Во-первых, религиозные тексты позволяют проследить моральные аспекты эволюции международных взаимодействий, особенно в кризисных ситуациях. Это хорошо видно по выступлению по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И.В. Сталина 3 июля 1941 г., ставшему первым обращением главы Советского Правительства к народу после начала Великой Отечественной войны, ведь до этого 22 июня прозвучало лишь обращение В.М. Молотова. Речь Сталина начиналась словами: "Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!". Обращение "Братья и сестры!" взывало к образам христианской паствы, единой в своей вере. Текст этого выступления был напечатан в газете "Правда" от 3 июля 1941 г., затем выпускался отдельно в виде брошюры.

Во-вторых, религиозные тексты показывают иные подходы к международной картографии, также насыщая ее этическими смыслами. Это можно проиллюстрировать на примере лимба (лат. limbus – рубеж, край) – в католицизме место пребывания не попавших в рай душ, не являющееся адом или чистилищем. 20 апреля 2007 г. Ватиканская международная комиссия опубликовала документ "Надежда на спасение для некрещеных младенцев", который получил одобрение Папы Бенедикта XVI. Члены комиссии пришли к выводу, что учение о лимбе представляет "неподобающе ограничительный взгляд на спасение", в то время как Бог милосерден и "желает спасения всем людям"[21].

В "Божественной комедии" Данте лимб – это первый круг ада, где вместе с некрещеными младенцами пребывают добродетельные нехристиане – философы, поэты и врачи античности, а также герои языческого мира. В существование места, которое можно было бы назвать лимбом, верили и отцы Церкви. Например, в IV в. Григорий Назианзин писал: "Иные не имеют возможности даже и принять дара <крещения> или по малолетству, или по какому-то совершенно не зависящему от них стечению обстоятельств... <Они> не будут у праведного Судии ни прославлены, ни наказаны; потому что, хотя и не запечатлены, однако же и не худы и больше сами потерпели, нежели сделали вреда. Ибо не всякий, недостойный наказания, достоин уже и чести; равно не всякий, недостойный чести, достоин уже наказания"[22]. Но есть

ли такое место на земле, в реальном мире? И у многих писателей территории, пограничные зонам конфликта, зонам, напоминающим ад, сравниваются с таким пространством. Паоло Коэльо, чьи любые книги в январе 2011 г. правительство Ирана запретило печатать и продавать без каких-либо объяснений[23], в книге "Ведьма с Портобелло" (порт. A bruxa de Portobello, 2007) пишет о территории Румынии после свержения режима Николае Чаушеску как о месте, напоминающем лимб.

В-третьих, совмещение религиозных текстов и международных отношений происходит благодаря формализации идеи о роли религии в контексте "Диалога цивилизаций", которая была отражена в "Родосской декларации 2009". В ней указывается, что мировые религии способны играть важную роль в укреплении духовных и гуманистических ценностей, напоминая людям об их ответственности за общее благо человечества. Иными словами, религии и религиозные структуры рассматриваются в качестве посредника стратегических гражданских инициатив[24].

Появление новых участников международных отношений меняет их восприятие как текста, добавляя в него новые краски и присущую этим акторам лексику. Так, международные отношения часто раскрываются кратким и емким языком плаката, понятным самым широким массам разных стран, независимо от наличия мощных национальных школ плакатистов, швейцарской, французской, японской, польской. Понимание языка плаката происходит благодаря включению в него паралингвистических знаков.

К сожалению, с увеличением числа акторов в международные отношения в их текстуальном понимании проникает обсценная лексика (нецензурные выражения, непечатная брань)[25]. Этот вид бранной лексики есть в различных языках. Он включает грубые (похабные, непристойно мерзкие, вульгарные), бранные выражения, которые часто передают спонтанную речевую реакцию на неожиданную, как правило, неприятную ситуацию. Употребление такой лексики в публичных речах имеет достаточное число причин – от стремления повысить эмоциональность речи, снять психологическое напряжение, продемонстрировать раскованность, отсутствие страха и независимость говорящего до прямого оскорбления, унижения адресата речи, демонстрации пренебрежительного отношения к системе запретов, которые устанавливает тот или иной международный режим. Такие выражения присущи и лицам, принимающим решения в международных отношениях. Например, бывший президент США Джордж Буш-младший позволял крепкое словцо не только в моменты гнева, но и в расслабленном состоянии, однако он никогда не ругался в Овальном кабинете Белого дома, при новых знакомых и в присутствии супруги. Но гораздо чаще мы встречаем ненормативные обороты в лексике рядовых участников международной жизни. Обидно, что порой такого рода высказывания совершенно не соответствуют тональности основного текста. Непонятно, почему ненормативные высказывания обнаружились в комментариях в Интернете по поводу новой формы углубления сотрудничества между Германией, Польшей и Россией – тремя ключевыми странами в регионе[26]. Триалог Германия – Польша – Россия создает возможности преодоления исторических и политических различий и стереотипов, а также развития между странами партнерских отношений, в том числе на уровне ЕС – Россия. Запланированный два раза в год цикл конференций сторон триалога обеспечивает встречи экспертов из всех стран-партнеров для совместного размышления над ведущимися в каждой стране общественными дискуссиями. То, что так называемые легкие вопросы, такие как образование, демография, миграция и религия должны обсуждаться наряду со сложными проблемами, касающимися каждой из сторон, в том числе вопросы энергетической безопасности, перспективы развития конфликтов на постсоветском пространстве, проблемы национальных меньшинств, национализма или религиозные вопросы, вовсе не дает оснований для применения обсценной лексики.

Еще одна черта современного прочтения международных отношений вызвана тем, что в общий открытый текст все активнее входят фрагменты скрытых текстов. Яркий пример – разоблачительные материалы от WikiLeaks или Эдварда Сноудена. Но

их материалы можно считать лишь видимой вершиной айсберга, ибо дипломатия изначально предполагала закрытость процесса международного общения[27]. Случаются и добровольные проявления своеобразной "люстрации" тайных текстов. Весной 2012 г. в римском Капитолийском музее открылась беспрецедентная выставка, на которой впервые за свою многовековую историю Ватиканский секретный архив решил выставить на всеобщее обозрение сто ранее не обнародованных документов, отражающих в себе шестнадцать столетий мировой истории. По официальной версии, такой подарок Вечному городу было решено сделать с благословения Папы Бенедикта XVI в 400-летнюю годовщину со дня создания современного папского секретного архива – одного из самых таинственных хранилищ в мире, чьи богатства растянулись на 85 километрах стеллажей[28]. Опыт тайной дипломатии не ушел в прошлое. Поэтому можно прислушаться к мнению Председателя Исламского комитета России Гейдара Джемаля, который считает, что "современная политика стала насквозь симулятивной за счет того, что 5 % веса принадлежит "белым" дипломатам, 95 % – несколько эшелонов тайного закулисья, когда все вопросы решаются на подковерном уровне вне внимания общественности. Между прочим, это не вчера началось. И если кто-то скажет, что это конспирология, то, извините, товарищ Ленин в 1918 г. открыл тайный дипломатический сговор Антанты, предшествующий первой мировой войне"[29].

Процесс открытия завеса тайной дипломатии обеспечивается помимо активности лиц, подобных Брэдли Мэннингу, Джулиану Ассанжу или Эдварду Сноудену, историческим спросом на разоблачение загадочных сюжетов международных связей, а также появлением новых текстов, отражающих современные жанры, например мангу. В 2006 г. выходит манга "Тайная дипломатия", где языком этого жанра рассказывается о гении дипломатии Ёсинаги, которому выдающийся ум и способности к политическому маневрированию помогли достичь высокого положения в Министерстве иностранных дел. Другого героя этой манги, Сирайто, на дипломатическую стезю толкнула необходимость поддержания престижа семьи и искренняя любовь к своей работе[30]. Кстати, на сайте, где размещена данная манга, есть предупреждение, что она может содержать ненормативную лексику, сексуальные сцены откровенного характера, а также художественное изображение жестокости и насилия или их словесные описания.

Под влиянием информационных перемен, отражающих новое состояние не только инфосферы, но и системы международных отношений, в последней рождаются процессы, предвещающие начало своеобразной текстуальной революции[31]. Этот термин, предложенный А.П. Люсым, вырос из видения того, как на глобальном и локальном уровнях складывается новая "русская теория". В рамках данной теории через тексты культуры происходит формирование и конституирование социокультурного пространства современной России.

Тест, выступающий совокупностью открытых и потаенных взглядов все увеличивающегося числа международных акторов, дает возможность интердискурсу по международным отношениям сконцентрироваться на принципиальных для сохранения международной системы темах. Этот процесс аналогичен тому, как культурный текст, представляющий собой не совокупность объединенных тематически литературных произведений, но и рационально обоснованный миф или культурный артефакт, способный производить рефлективную работу, которая позволяет семантическому дискурсу "Россия" достичь идеальной цели – обретения статуса цивилизационной системы. Однако в глобальном тексте чем больше акторов, тем шире простор для интерпретации интерпретаций. А в этом может быть скрыта угроза тем самым принципиальным правовым позициям, на которых зиждется международная система.

Глобализация создает новые тесты, основной характеристикой которых становится метатекстуальность. В пространстве международных отношений она выходит за рамки культурной рефлексии, дает возможность новому метаязыку выступать в качестве связующего звена разных пространств – мировой политики, экономики, энергетики, экологии, культуры и другим – формировать новую коммуникативную

ситуацию, в которой ее отдельные части связаны с единым центром, с доминантой данной международной системы. Такая доминанта может быть институциональной, например, воплощенной в некой универсальной структуре наподобие ООН. Но эта же доминанта может иметь лексический, по сути, абстрактный характер, хотя и указывает на его вполне определенных носителей. Например, образ врага постоянно пополняется новыми характеристиками, взятыми из расширяющегося числа международных конфликтных ситуаций, постепенно охватывающих как реальное, так и виртуальное международные пространства.

Глобальный текст – это "текст множеств". В нем наблюдается соединение традиционной публичности представителей группы, относящейся к внешнеполитической элите национальных государств или международной сферы, с отсутствием публичности у группы новых акторов. Последние часто основывают свою артикуляцию явлений международной жизни, исходя из негативного опыта, возникающего как результат их отдаленности от мест принятия международных значимых решений, собственной периферийности в координатах мирового политического пространства. Но при этом складывается такой "текст множеств", который благодаря унифицирующей репрезентации прочитывается как первыми, так и вторыми акторами. Однако в каждой из этих групп его интерпретация различается, причем порой очень резко.

Эко называет текст "ленивым механизмом", который требует, чтобы читатель выполнил за него часть работы. "Иными словами, текст есть приспособление, созданное, чтобы спровоцировать как можно большее количество толкований"[32]. Такой взгляд на текст как на международные отношения позволяет понять, почему они также предполагают бесчисленное количество толкований уже после того, как свершились все основные события определенного ряда, накал страстей отошел в историю. Но каждый новый найденный исследователями документ, каждый последующий поворот в отношениях международных акторов создают почву для дальнейших интерпретаций. В итоге, международные отношения, прочитываемые как текст, не только находят благодарных читателей, но и формируют их, приучают к определенной манере "чтения", т.е. восприятия международных реалий. В зависимости от культуры понимания текстуальности событий международной жизни сложились не только определенные метапаттерны поведения акторов – дружественные, сателлитные, конфронтационные, однополюсные, многополярные, но и дробные интерпретации в рамках этих же метапаттернов. Такие интерпретации отражают различия в прочтении одних и тех же моделей поведения участников международных отношений в тех же самых обстоятельствах, но с учетом того, кто их анализирует как текст, когда и зачем это делает.

И вот здесь в заключение стоит помнить предостережение, посланное нам Евгением Замятиным в романе "Мы". Тексты могут исчезать по множеству причин. И тогда будущему может, увы, достаться совсем не репрезентативный источник. Но за неимением другого его текст станет основой суждения и сравнения с новыми текстами, определяющими жизнь того времени, как, например, с Часовой Скрижалью. "Скрижаль... Вот сейчас со стены у меня в комнате сурово и нежно в глаза мне глядят ее пурпурные на золотом поле цифры. Невольно вспоминается то, что у древних называлось "иконой", и мне хочется слагать стихи или молитвы (что одно и то же). Ах, зачем я не поэт, чтобы достойно воспеть тебя, о Скрижаль, о сердце и пульс Единого Государства.

Все мы (а может быть, и вы) еще детьми, в школе, читали этот величайший из дошедших до нас памятников древней литературы – "Расписание железных дорог". Но поставьте даже его рядом со Скрижалью – и вы увидите рядом графит и алмаз: в обоих одно и то же – С, углерод, – но как вечен, прозрачен, как сияет алмаз. У кого не захватывает духа, когда вы с грохотом мчитесь по страницам "Расписания". Но Часовая Скрижаль каждого из нас наяву превращает в стального шестиколесного героя великой поэмы"[33].

Конечно, "Расписание железных дорог" – тоже текст и очень важный для своей сферы. Однако сложно представить, что можно извлечь из такого текста для понимания

характера тех, кто им пользовался, чтобы пересечь границы государств, добраться до дальних мест, проникнуться целью путешествия. А еще труднее предположить из содержания лишь расписания движения поездов, какую стратегическую роль играли железные дороги в укреплении мощи государства, его защите от внешних врагов, обеспечении экономического процветания.

Отсюда столь важным видится сохранение как можно большего числа текстов, обеспечивающих возможность и в будущем судить о том, на каких уровнях формируются и реализуются международные отношения, сплетающиеся в единый текст непрерывной международной жизни с затейливой сюжетной линией. Той, что захватывает почти каждого человека, который, независимо от своей вовлеченности в международный контекст, начинает вчитываться в составляющие его и знакомые, и пока неизвестные знаки.

---

[1] Эко У. Откровения молодого романиста. М.: АСТ: CORPUS, 2013. С. 17–18.

[2] Гальперин И.Р. О понятии "текст" / Лингвистика текста. Материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореза. Т. 1. М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореза, 1974. С. 67.

[3] Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 48.

[4] Сиднева Г. Тайны египетских фараонов. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб.; Владимир: ВКТ, 2009. С. 39.

[5] См.: Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Часть I: От Французской Революции до империалистической войны / Проф. Ю.В. Ключников и Андрей Сабанин. Ч. 2. М.: Издание Литиздата НКИД, 1926.

[6] Среди наиболее известных пьес Ришелье – написанная в сотрудничестве с Жаном Демаре "Мирам" (1641) с целью досадить королеве Анне Австрийской за предпочтение ему лорда Бэкингема. По сюжету пьесы, лорд Бэкингем оказывается побежденным на поле боя под Ла-Рошелью. Кардинал даже заставил королеву посмотреть этот спектакль. Александр Дюма из пьесы Ришелье взял для романа "Три мушкетера" многие детали: борьбу с дуэлями, использование отставной любовницы Бэкингема графини Карлейль (прототип Миледи) в шпионской роли при английском дворе, пикантные подробности свиданий королевы и Бэкингема.

[7] Ришелье А.-Ж. дю Плесси. Политическое завещание. Принципы управления государством. М.: Ладомир, 2008; Ришелье. Мемуары. М.: АСТ, Люкс, Наш дом – L'Age d'Homme, 2005.

[8] Меттерних К.В. фон. Записки князя Меттерниха о состоянии умов в Европе и об обязанностях правительств. 1848 г. / Сообщ. П.А. Мухановым // Русская старина. 1873. Т. 8. № 11. С. 782–799; Меттерних К.В. фон. Записки Меттерниха. Изложение, отрывки // Исторический вестник. 1880. Т. 1. № 2. С. 374–392; Меттерних К.В. фон. Император Александр I. Портрет, писанный Меттернихом в 1829 году // Исторический вестник. 1880. Т. 1. № 1. С. 168–180.

[9] См.: Wilson W. The Study of Administration // Political Science Quarterly 2. 1887. June; Вильсон В. Государство: Прошлое и настоящее конституционных учреждений. Перевод под редакцией А.С. Ященко с предисловием М.М. Ковалевскаго. С приложением текста важнейших конституций. М.: Издание В.М. Саблина, 1905.

[10] См.: Черчилль У. Саврола. М.: Эксмо, 2012.

[11] См.: Жискар д'Эстен В. Принцесса и президент. М.: РИПОЛ-классик, 2010.

[12] См.: Жискар д'Эстен В. Власть и жизнь. М.: Международные отношения, 1990.

[13] Трофименков М. Утомленная сексом // Коммерсантъ. 2012. 19 октября.

[14] Альперина С. На русском языке выходит новый роман Валери Жискар д'Эстена "Принцесса и президент" // Российская газета. 2010. 19 февраля.

[15] См.: Джойс Дж. Уэйк Финнеганов. Тверь: KOLONNA Publications, 2000.

[16] Graham P.L. Late Historical Events // Wake Newslitter. 1964. October. P. 13–14.

[17] Halper N. Notes on Late Historical Events // Wake Newslitter. 1965. October. P. 15–16.

[18] Цит. по: Хоружий С.С. "Улисс" в русском зеркале // Джеймс Джойс. Собрание сочинений: В 3 томах. Т. 3. Улисс: роман (часть III); перевод с англ. В. Хинкиса и С. Хоружего. М.: ЗнаК, 1994. С. 363–605; Чекалова С. Кое-что о J.J. // Знамя. 1999. № 10. С. 202–213.

[19] Hetherington H.A. News, Newspapers and Television. London: Macmillan, 1985. P. 6–7.

[20] Деннис Э., Мерим Д. Беседы о масс-медиа. М.: Вагриус, 1997. С. 205.

[21] http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/LIMB.html.

[22] http://www.pagez.ru/lsn/bogoslov/040.php.

[23] Тегеран запретил Коэльо // http://sd.net.ua/2011/01/12/tegeran-zapretil-koyelo.html.

[24] Боришполец К. Религиозный фактор в международных отношениях // http://www.mgimo.ru/news/experts/document214943.phtml. 2011. 21 декабря.

[25] От английского obscene (непристойный, грязный, бесстыдный), которое, в свою очередь, восходит к латинскому obscenus (отвратительный, непристойный, неприличный).

[26] Триалог Германия – Польша – Россия // http://eastbook.eu/ru/2013/07/country-ru/%D1%80%

D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F/trialog-germania-rossia-polsha.

[27] См.: Черняк Е.Б. Пять столетий тайной войны. Из истории секретной дипломатии и разведки (монография). М.: Международные отношения, 1991.

[28] Миракян Н. Ватикан выдал 100 секретов // Российская газета – Федеральный выпуск. 2012. 2 марта.

[29] Гейдар Джемаль: "В мире воцарилась „нольполярность« // http://www.poistine.com/interview/v-mire-votsarilas-nolpolyarnost. 2013. 22 сентября.

[30] Nitta Youka. Secret Diplomacy of a Minister Exellency // AdultManga.ru›secret_diplomacy... minister_exellency.

[31] См.: Люсый А.П. Текстуальная революция или семиотическая мутация? Об одном культурологическом путешествии в петербургской маршрутке, концептуализированном пробкой на улице Пестеля // Культурологический журнал. 2012. № 2(8) // http://www.cr-journal.ru/rus/journals/123.html&j_id=10.

[32] Эко У. Указ. соч. С. 57.

[33] Замятин Е.И. Мы // http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0050.shtml.